

Д м и т р и й
ИЛОВАЙСКИЙ

ЛАУРЕАТ УВАРОВСКОЙ ПРЕМИИ АКАДЕМИИ НАУК

История России

КИЕВСКИЙ
ПЕРИОД

НАЧАЛО
IX —
КОНЕЦ
XII века

Дмитрий Иванович Иловайский

История России.

Киевский период. Начало IX – конец XII века

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68472955

История России. Киевский период. Начало IX – конец XII века./

Иловайский Д.И.: Центрполиграф; Москва; 2022

ISBN 978-5-227-10176-1

Аннотация

Выдающийся русский историк, публицист, автор многих исторических исследований, в том числе всеобъемлющего труда по истории России, Дмитрий Иванович Иловайский рассматривает так называемый Киевский период русской истории. Автор последовательно излагает сложный и подчас жестокий процесс становления и развития русской государственности в IX—XII вв. Обладая несомненным писательским талантом, умением кратко и точно излагать факты, автор описывает бесконечные междоусобные войны, порождающие голод и разруху, обстановку, в которой происходило насаждение христианства, возвышение и гибель князей и целых княжеских родов. И в то же время созидательную сторону жизни Руси: строительство монастырей и храмов,

расцвет городов и торговли, особенности культуры и быта славянских народов в эту эпоху. И констатирует: «В основу нашей национальности положено крепкое плотное ядро, то есть могучее славянское племя, которым только и можно объяснить замечательную живучесть и прочность нашего государственного организма».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие к первому изданию	8
Предисловие ко второму изданию	12
Введение	13
I. Русь под Царьградом и первые киевские князья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Дмитрий Иловайский
История России.
Киевский период. Начало
IX – конец XII века

*Благоговейно посвящается истекшему в
1906 году двухтысячелетнему историческому
существованию русского народа*

Дмитрий Иванович Иловайский

© «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2022

Предисловие к первому изданию

История какого-либо народа есть изображение его прошлой жизни. Постепенное развитие этой жизни, светлые и темные стороны его быта, счастливые и бедственные эпохи, им испытанные, многообразная внешняя и внутренняя борьба, которую он вел, перевороты, которым он подвергался, – все это составляет задачу истории. По отношению к исполнению своему ее задача распадается на две стороны, впрочем неразрывно между собою связанные: с одной стороны – она наука, с другой – искусство. Изучение источников и пособий, их взаимная проверка или критическое к ним отношение, восстановление событий в их истинном виде, разъяснение их причин и следствий, определение естественных и общественных условий и различных влияний, верная, по возможности беспристрастная, оценка деятелей и обстоятельств и т. п. – вот научная приготовительная сторона исторического труда.

За выполнением этой стороны следует работа, так сказать, творческая. Изобразить события, обстоятельства и лица такими, какими они представляются воображению самого историка; причем соблюсти историческую перспективу, то есть выдвинуть на передний план важное и существенное; не быть подавленным материалом, а, наоборот, овладеть им и подчинить его себе; дать каждой части свое место; найти

всему соответствующее выражение в языке; усвоить своему изложению достойный высокой задачи благородный стиль и согреть это изложение своим собственным теплым участием, своею любовью к предмету – вот тот художественный идеал, к которому должен стремиться исторический писатель.

Говорят, история прошлого есть великая наставница и поучительница для новых поколений. Совершенно верно. Но историк не имеет в виду писать поучение. Последнее вытекает само собою, если его труд хорошо исполнен. Ближайшая его цель заключается в том, чтобы, воссоздавая в слове прошедшие века своего народа, способствовать развитию народного самопознания.

История рассматривает человеческое общество; она стремится раскрыть самые законы и основания, на которых это общество существует и развивается. Единственная доселе известная форма, в которой совершались общественная жизнь и общественное развитие, – это форма государственного быта, весьма разнообразная в своем приложении. Историческими являются только те народы, которые усвоили себе эту форму. Народы же, не усвоившие ее, остались на степени дикарей. Отсюда естественная и неразрывная связь истории какого-либо народа с движением его государственного быта. Но свою жизнь и движение народ проявляет в своих представителях. Вот почему история по преимуществу имеет дело с лицами, стоящими во главе народа, и вообще с теми деятелями, посредством которых он проявляет себя в раз-

ных сферах общественного развития. Народная масса есть не что иное, как этнографическая почва, которая выделяет из себя действующие лица. Эта почва или этот этнографический организм с его своеобразными, характерными чертами также должен быть по возможности оттенен в историческом изложении и приведен в тесную связь с событиями и лицами. Но от исторического писателя несправедливо было бы требовать, чтобы он уловил и изобразил всевозможные стороны, всевозможные проявления общественной или народной жизни. Это превышало бы силы одного человека и сделало бы из истории нечто необъятное, бесконечное. Историк не должен расплываться в мелочных обозрениях бытовых сторон и теряться в чрезвычайной сложности исторического материала; повторяю, он должен найти и оттенить наиболее важное, наиболее существенное.

Я, конечно, далек от уверенности осуществить в задуманном труде все эти *ria desideria*¹; но почту себя исполнившим свой долг и счастливым, если мне удастся сколько-нибудь приблизиться к своему идеалу и сделать что-либо на том поприще, на котором мы уже имеем великие труды Карамзина и Соловьева.

Последовательное изложение отечественной истории я начинаю с того момента, когда русский народ выступил на широкое историческое поприще и заставил громко говорить о себе иноземных писателей, пока еще не имел своих соб-

¹ Благие пожелания (*лат.*).

ственных. Я беру его великим, туземным народом Восточной Европы, не приходившим откуда-то из-за моря в IX веке и не призывавшим к себе чужеземных властителей, а имевшим своих собственных племенных князей. Доказательства этого положения собраны мною в особой книге («Разыскания о начале Руси»), куда и отсылаю желающих с ними познакомиться. Нет сомнения, что в основу нашей национальности и нашего государства положено крепкое, плотное ядро, то есть могучее славяно-русское племя, которым только и можно объяснить замечательную живучесть и прочность нашего государственного организма.

Не возлагаю на себя никаких точных обязательств относительно выхода в свет дальнейших частей предпринятого труда. Могу только обещать, что буду работать над ними по мере своих сил и средств. Тем менее дерзаю рассчитывать на благополучное достижение конца. *Ars longa, vita brevis*².

Москва, 1876 г., 9 апреля

² Искусство вечно, а жизнь коротка (*лат.*).

Предисловие ко второму изданию

Предыдущее предисловие относилось собственно к первой части первого тома. Вторая часть вышла в 1880 году. А в настоящем втором издании помещен весь первый том. Довольно долгий промежуток, протекший после первого издания, заставляет автора не рассчитывать на массу читателей среди своих соотечественников, а иметь в виду не особенно большой круг любителей отечественной истории. При просмотре сего тома в тексте его он ограничился необходимыми поправками и прибавками; зато примечания пришлось много пополнить; так как за истекший промежуток времени литература предмета сильно увеличилась, в особенности по отношению к его археологической или собственно культурной стороне, благодаря многочисленным раскопкам и всякого рода изысканиям. Кроме того, прибавлено введение, которого не было в первом издании.

Москва, 1906 г. 10 ноября

Введение

В 1906 году исполнилось ровно две тысячи лет с той поры, как русское племя появилось на скрижалях истории, и прошло с лишком тысячелетие от того события, с которого началась непрерывная и уже не племенная только, а государственная история Руси.

Приведем то немногое, что известно нам из ее первого тысячелетия.

Молодой понтийский царь Митридат VI, впоследствии знаменитый враг римлян, присоединил к своим владениям царство Боспорское и для защиты этого царства должен был вступить в борьбу с соседним племенем тавроскифов, которое соединилось тогда под властью царя Скилура и сильно теснило боспоритов. Несмотря на свою многочисленность, беспорядочным толпам варваров трудно было стоять против хорошо вооруженных и устроенных войск понтийско-боспорского государя. Старший сын Скилура, Палак, обратился за помощью к скифосарматскому (вероятно, родственному) племени россолан (или росо-алан), которое обитало в степях между Днепром и Доном и по берегам Меотийского озера (Азовского моря). Россолане двинулись на помощь тавроскифам будто бы в числе 50 000 всадников. Предводитель их назвался Тасий. Но помощь их не принесла победы тавроскифам. Полководец Митридата Диафант, начальствуя

6000 отборного войска, разбил россолан вблизи самой столицы боспоритов Пантикапеи (потом Корчево или Керчь). Это событие происходило в 94 году до Р. Х. О нем сообщает известный греческий писатель Страбон. Количество пришедшей россоланской конницы, разумеется, он определил гадательно, и, наверно, очень преувеличил, ради прославления другой стороны. Притом, сколько ее участвовало в главном сражении с Диафантом, осталось неизвестным.

Младший современник Страбона, знаменитый римский историк Тацит, повествует о россоланах, что они в числе 9000 конницы вторглись в римскую подунайскую провинцию Мизию (ныне Болгария) и уничтожили отряд римского войска; но, когда они рассыпались по стране для грабежа, римские начальники ударили на них с своими легионами и нанесли им поражение. Этому поражению способствовала наступившая оттепель: кони россолан спотыкались, всадники падали и нелегко поднимались при своем довольно тяжелом вооружении (69 г. по Р. Х.). На основании обоих известий, Страбона и Тацита, россоланское вооружение составляли: копье, лук, длинный меч, щит, плетенный из тростника, шлем и панцирь из воловьей кожи, а у знатных людей встречались панцири из железных блях. Как народ, еще не вышедший тогда из кочевого быта, россолане, конечно, были по преимуществу конники и в пешем бою не могли еще стоять против стройных римских легионов или греко-понтийской фаланги. Подобно другим кочевникам, они жили в вой-

лочных кибитках и занимались своими стадами, питаясь их молоком, сыром и мясом и передвигаясь постоянно на места, богатые пастбищами. Обыкновенно летом они кочевали на степных равнинах, а зимой приближались к болотистым берегам Меотиды.

В таком виде наши предки впервые заявляют о своем существовании приблизительно под своим собственным именем.

Затем известия о россоланах повторяются и в последующие века, благодаря в особенности тому обстоятельству, что эти смелые наездники нередко своими набегами тревожили пределы двух римских придунайских провинций, Дакии и Мизии, чем заставляли говорить о себе латинских и греческих писателей. Чтобы удержать варваров от набегов, некоторые императоры римские вступали в договоры с россоланскими князьями и обязывались уплачивать им ежегодно определенную сумму денег, причем брали их сыновей к себе в заложники. Между прочим, в одной латинской надписи времен императора Элия Адриана упоминается россоланский князь Элий Распарасан. Это (после Тасия) и есть первое дошедшее до нас русское княжеское имя древнейшей эпохи. Римское имя Элий он, конечно, принял в честь императора Адриана, с которым находился в дружеских или союзных отношениях. (Примеры подобной именной прибавки встречаем также у царей боспорских Савроматской династии.)

Между тем в первые века по Рождеству Христову в стра-

не между Днестром и Днепром усиливается восточногерманское племя готы и распространяет свое господство на многие народы Скифии. В IV веке мы встречаем россолан в числе народов, которые платили дань готскому царю Германриху. Готский историк епископ Иорнанд (живший в VI в.) изображает россолан народом вероломным, погубившим Германриха во время его борьбы с страшными гуннами. За измену одного россоланского вельможи (по-видимому передавшегося на сторону гуннов) готский царь велел жену его Сanelгу привязать к диким коням и размыкать по полю; тогда два ее брата, Сарус и Аммиус, мстя за смерть сестры, нанесли тяжелую рану престарелому Германриху; так что после того он не мог сражаться с гуннами и вскоре умер. Очень может быть, что и самое движение гуннов из-за Дона произошло в связи с восстанием россолан или славянской Руси против владычества немецких готов.

Иорнанд сообщает известие о дальнейшей вражде готов и россолан; только последних, по всем признакам, он называет в этом случае антами. Преемник Германриха Винитар напал на антов и был сначала побежден, но потом взял в плен их князя Бокса и распял на кресте с его сыновьями и семьюдесятью вельможами, которых оставил висеть на виселице, чтобы навести страх на антов. Очевидно, он мстил им за восстание против готского владычества и за союз с гуннами. Благодаря этой вражде двух главных народов Понтийской Скифии царю гуннов Валамиру удалось потом победить Винитара и

подчинить себе часть готов (именно остготов); другая часть (вестготы) поспешила уйти за Дунай, в пределы Римской империи. Имя антского князя Бокса весьма близко к русско-му имени, которое встречается у нас в XI и XIII вв.: Богша. А упомянутое выше женское россоланское имя Санелга напоминает позднейшее русское имя Ольга или Елга, как она называется в византийских известиях. Ее брат Аммиус слышится в названии Миус и Калмиус, двух рек, впадающих в Азовское море и протекающих в стране древних россолан.

Господство готов в Скифии сменилось на время господством гуннов (племени по всем признакам славянским, родственным болгарскому). Россолане, по-видимому, входили в число народов, составлявших царство Аттилы, а также принимавших участие в его походах и завоеваниях. Что россолане не остались чужды совершавшемуся в те времена движению, известному под именем Великого переселения народов, на то указывает происшедшее от их имени название южнофранцузской провинции Руссильон; очевидно, часть россолан, подобно другим германским и славянским народам, увлечена была гото-гуннским движением на дальний запад Европы.

После смерти Аттилы, когда держава его была разрушена восстаниями подчиненных народов (во второй половине V века), россолане не только успели освободиться от гуннской зависимости, но и снова заняли первенствующее положение в странах к северу от Черного и Азовского морей; по крайней

мере, таково было их положение в VI веке, судя по словам помянутого Иорнанда. Он говорит, что Дакия (или Гепидия) на востоке граничила с россоланами.

Совокупность греко-латинских известий от I до VI века включительно ясно указывает нам на россолан как на сильный, многочисленный народ, которого средоточием был Днепр и которого отдельные ветви простирались с одной стороны до Азовского моря, а с другой – приблизительно до Днестра. Около эпохи Рождества Христова он находился еще на ступени кочевого или полукочевого быта. В те времена не только восточнославянские, но и восточногерманские племена еще не вышли из этого быта, чем и объясняется Великое переселение народов: так, например, готы от северных берегов Черного моря в довольно короткое время передвинулись до крайних пределов Юго-Западной Европы. Но в течение последующих веков россоланское, или русское, племя все более и более приобретало привычки быта оседлого, сохраняя, однако, свой подвижный, предприимчивый характер и охоту к дальним походам.

Следующие затем века VII и VIII суть самые темные по отношению к истории Восточной Европы. Источники за это время сообщают о ней весьма мало сведений, причем самое имя россолан скрывается более под общими именами скифов и сармат. А между тем эти века, по всем признакам, были обильны разного рода событиями и переворотами в жизни россоланского, или русского, народа. Он должен

был постоянно вести борьбу за свою самостоятельность или за свое преобладание с народами, как родственными, славянскими, так чуждыми, иноплеменными; таковы особенно: славяне-болгары, авары, хазары, угры и прочие. В VII веке в северных черноморских областях распространил свое господство прикавказский народ авары, вытесненные из своей родины турко-хазарами; авары особенно угнетали племена болгарские. А хазары в то же время подчинили себе ту часть славян, которая тогда еще обитала около Азовского моря, Кубани и Нижней Волги. Едва к началу VIII века разрушено было аварское господство в дунайско-черноморских странах, как из прикаспийских степей явились дикие угры, или мадьяры, теснимые еще более дикими и воинственными кочевниками, печенегами.

Итак, происхождение Русского государства совершилось не моментальным, сказочным образом, как повествует известная легенда о призвании князей из-за моря, а долгим и сложным процессом, на общих исторических основаниях и законах, подобно всем другим подобного рода явлениям.

Целый ряд веков Русь пребывала на степени родового или, точнее, племенного быта. Каждый ее род-племя жил обособленно и занимал своими пастбищами известное пространство в южных степях, пока сохранял свое кочевое или полукочевое состояние. В этом подвижном состоянии племя всегда должно было быть готовым дружною толпою дать отпор нападению соседей, а то и самому сделать на них на-

бег ради добычи или земельного захвата. В случае же великих народных столкновений родственные близкие племена соединялись и действовали общими силами. В мирное время они управлялись своими старейшинами родо- или домовладыками, которые в делах, касающихся всего рода, собирались на совет, или вече. Частые столкновения не только с иноплеменными, но и с соплеменными соседями родственников наиболее отличившихся предводителей, которые у славян имели общее название князей (слово одного корня и значения с германским конунг, позднейшее кониг). А так как военные тревоги и угрожавшие опасности были, можно сказать, постоянными, то, естественно, княжеское достоинство приобрело прочность и наследственность, то есть закреплялось за потомством сих вождей. Князья, конечно, старались окружать себя надежными военными товарищами или друзьями, совокупность которых и стала называться дружиной.

Следовательно, и вече, и князь у руси, как и у других славян, существовали рядом с незапамятных времен (и никакой нужды не было призывать чужих князей из-за моря; из всех славян русский народ является наиболее государственным). Разумеется, князья не ограничивались военным временем, а пытались распространить или сохранить свою власть и вне этого времени, опираясь на свои дружины. Отсюда неизбежно возникала борьба двух укладов, то есть народно-вечевого и княжеско-дружинного. Благодаря все той же постоянной

потребности в обороне от внешних неприятелей, военное, то есть княжеско-дружинное, начало брало верх и полагало основание единовластию. Таким образом, быт племенной медленно, но постепенно превращался в государственный. Разумеется, князья более сильного племени старались подчинить себе князей менее сильных, то есть привести их в зависимое или «подручное» отношение. Это зависимое отношение выражалось обязательством платить дань и по первому требованию являться со своею дружиною на помощь главному, или великому, князю. Но менее сильные предводители при удобном случае давали отпор или соединялись для того в союзы. И вот таким путем – путем долгой кровопролитной борьбы – происходило не только объединение разных частей великого русского народа под верховною властью одного княжеского рода, но и покорение соседей как родственных, то есть славянских, так и чуждых, или иноплеменных.

Меж тем россоланские, или русские, племена в течение веков из южных и юго-восточных степей распространились далее на север и постепенно перешли к оседлому быту. Они стали жить в городках, окруженных валом или частоколом, и под их защитою занимались сельским хозяйством, то есть скотоводством, рыболовством, охотою на диких животных, пчеловодством и, наконец, земледелием. Частые войны и походы доставляли большое количество пленников, которые обыкновенно обращались в рабов, и на них-то возлагались более тяжелые домашние или полевые работы. Русь издревле

выделила из себя не только военное или дружинное сословие, но также и многочисленных торговых людей; а едва ли не главную статью русской вывозной торговли в те времена составляли именно пленники-рабы, известные под общим именем «челяди». Одновременно с многочисленными укрепленными городками, рассеянными на русской территории, возникли и большие торговые центры, которые служили также местопребыванием наиболее сильных князей. А эти князья усердно покровительствовали торговым людям, о чем ясно свидетельствуют их договоры, заключаемые с соседними государствами. Древнейшие известные нам договоры относятся к IX веку.

Вообще этот век занимает чрезвычайно важное место в начальной русской истории.

В IX веке русский народ упоминается в иноземных источниках уже не под сложным названием россолан, а под своим простым народным именем «рось» (русь). Так, один немецкий летописец (Пруденций) в своей латинской хронике рассказывает, что в 839 году византийский император Феофил прислал к Людовику Благочестивому посольство, и при нем несколько человек, которые называли себя рось. Последние явились в Константинополь для изъявления дружбы от своего князя, именуемого хаканом; но так как враждебные варварские народы препятствовали им воротиться домой тем же путем, каким они пришли, то Феофил просил Людовика дать им средства вернуться другим путем. По известию того же

летописца, при франкском дворе подозрительно отнеслись к неизвестным пришельцам и почему-то приняли их за свеонов (шведов); может быть, начавшиеся тогда морские набеги скандинавов послужили поводом к такой подозрительности. Дальнейшая судьба этого русского посольства нам неизвестна. Но помянутое известие о нем для нас чрезвычайно важно, потому что подтверждает существование Русского княжества на Днестре и сношения его с Византией в первой половине IX века. Под именем хакана тут, конечно, разумеется не кто иной, как киевский князь; ибо позднее и в наших отечественных источниках этому князю также дается титул хакана или кагана (заимствованный Русью от авар и хазар); тогда как у скандинавских конунгов такого титула совсем не встречается.

Русь издавна вела торговые сношения с соседними народами, а в особенности с греками. Сношения Киева с Царьградом производились по Днестру и Черному морю. Кроме порогов, русы на Днепровском пути встречали еще препятствия от степных кочевников, которые нападали на их караваны в узких местах. А иногда бурные перевороты в Черноморских степях совсем прекращали сношения Киева с Царьградом. Вероятно, одним из таких событий и было застигнуто в Царьграде помянутое посольство русского хакана к императору Феофилу.

Черноморская торговля снабжала Русь произведениями высокоразвитой греческой промышленности и знакомила ее

с обстановкой утонченной гражданственности, с обстановкой, которая всегда так обаятельно действует на свежие, еще необразованные народы, особенно отличающиеся восприимчивостью. Так латинский мир действовал на германцев, а греческий на славян. Торговые и другие сношения русского народа с греческим миром, а следовательно, и влияние последнего, начались с незапамятных времен на северных побережьях Понта, где были рассеяны богатые греческие колонии. Там, в числе других скифских народов, и россолане обменивали рабов, скот и прочие сырые произведения на греческие изделия; а иногда добывали их разными услугами или просто грабежом. Могильные курганы князей и вообще знатных людей россоланского племени, рассеянные в Приднепровье и Приазовье, обилуют греческими изделиями и служат наглядным памятником минувших сношений наших предков с эллинским миром.

В том же IX веке Русь вела торговые сношения, помимо греческого, с латино-германским и западнославянским миром. По крайней мере, от половины сего столетия имеем известие еврейского путешественника Ибрагима Ибн-Якуба, который говорит о приходе русских торговцев с товарами через польский Краков в чешскую Прагу. А дошедший до нас Рафелынтетинский таможенный устав (начала X в.) сообщает о том, что в IX веке шла довольно оживленная торговля между Киевом и Регенсбургом и другими баварскими подунайскими городами; причем из Руси привозились преимуще-

щественно воск, рабы, лошади и меха (русы называются в этом уставе ругами). Ведя торговлю с греческим югом и латинским западом, предприимчивая Русь одновременно торговала и с мусульманским востоком. Так, к первой половине IX века относится известие арабского писателя Хордадбега о том, что русские купцы тогда на верблюдах привозили свои товары в Багдад, где их соплеменники, славянские невольники, служили им переводчиками.

Но воинственная Русь, наряду с торговыми сношениями, время от времени ради добычи совершала нападения на соседей, как сухим путем, так и морем. По арабским свидетельствам, она делала тогда набеги на берега Каспийского моря; а чаще всего грабила берега Черноморские, судя по византийским известиям. От той же первой половины IX века имеем два сказания. По одному (из жития св. Георгия, епископа Амастридского), варвары из народа рось напали на город Амастриду, на южном берегу Черного моря, и хотели ограбить гробницу святого; но были поражены расслаблением и немощью, от которых избавились только тогда, когда их князь или предводитель оказал почтение христианскому Богу и освободил пленников. По другому сказанию (из жития св. Стефана, архиепископа Сурожского), князь русов (именем Бравлин), опустошая восточные берега Тавриды, ворвался в город Сурож, или Сугдею, и принялся грабить драгоценную утварь в храме, где находилась гробница св. Стефана. Вдруг лицо князя повернулось назад. Он вы-

здоровел после того, как велел воротить храму все награбленное и принял крещение.

Наконец, Русь с большими силами предприняла морской поход на самый Константинополь в 860 году, о чем будет речь впереди.

Конечно, не случайно произошло такое совпадение событий; не случайно почти в одно время Русь своими предприятиями больших размеров заставила говорить о себе Византию и мир мусульманский, начиная с IX века. Дело в том, что к этому времени наши предки успели в значительной степени объединить свои силы, собрать свои ветви под властью одного княжеского рода, подчинить себе ближайших соседей и положить начало государственному быту на широком основании. Русь успела уже так укрепиться в собственной стране, что могла избыток своих сил обратить на внешние предприятия, и даже снаряжать флоты в количестве нескольких сот кораблей. Подобные морские предприятия сделались возможными, по всем признакам, именно после того, как Русь завладела берегами Киммерийского Боспора, то есть утвердилась в Корчеве и Тмутаракани.

Достоверные источники не сохранили нам имени того киевского князя, при котором совершилось нашествие Руси на Царьград в 860 году. Хотя занесенное в летопись позднейшее сказание называет русскими предводителями Аскольда и Дира; но оно уже потому недостоверно, что выставляет их какими-то заморскими искателями приключений, бог

весть как завладевшими Киевом и бог весть почему очутившимися под Царь-градом. (Ближайшим поводом к сему сказанию послужили два киевских урочища, называвшиеся Аскольдова могила и Дирова могила.) Первым историческим князем Киевским является Олег, княживший в конце IX и первой четверти X века. Хотя никакие иноземные источники о нем не упоминают, но княжение его засвидетельствовано греко-русскими договорами, от которых дошли до нас славянские переводы. За ним следовал Игорь. Это был первый киевский князь, которого имя и некоторые деяния сообщают нам иноземные писатели. С него начинается непрерывное, потомственное преемство великокняжеской Киевской династии. По имени его, а не мифического Рюрика мы называем членов сей династии Игоревичи.

Среднее Приднепровье обеих сторон, между устьями Березины и Роси приблизительно – вот тот край, который в течение целого ряда веков служил колыбелью русской сплоченной народности и русской государственной жизни. Главными центрами этой жизни были три города, древность которых восходит ко временам доисторическим, именно: Киев, Чернигов и Переяславль. Уже из самых ранних договоров с греками мы видим, что послы и торговцы (гости) этих трех городов часто проживали в Царьграде и пользовались там разными льготами. После Ярослава I вся Русь разделилась между его сыновьями на три части по тем же трем стольным городам, и отдаленные области русские долгое время были

как бы приписаны к этим главным уделам. Благодаря прекрасной речной сети, служившей самым удобным средством сообщения в Восточной Европе, киевские князья отсюда из Среднего Приднепровья широко распространили владычество Руси по главным речным бассейнам. Постепенно двигаясь на север по великому водному пути, Русь, с одной стороны, утвердилась в земле ильменских славян и подчинила себе Новгород Великий, а с другой – водворила свое господство на Верхневолжском бассейне в земле Ростовско-Суздальской.

Когда с вершины киевских холмов вы смотрите на юго-восток вниз по течению Днепра, то при ясной погоде можете вдали усмотреть очертания Переяславля. Немного в большем расстоянии на северо-восток от Киева лежит Чернигов (166 верст). Но и это расстояние было таково, что русские князья и дружинники верхом проезжали его в один день. Владимир Мономах в своем «Поучении детям» говорит, что когда он княжил в Чернигове, то, выехав рано поутру, вечером приезжал в Киев к отцу своему, великому князю Всеволоду Ярославину. В течение последующих веков русская жизнь отхлынула в другие места, нашла другие средоточия, и в наше время край, где когда-то кипела деятельность политическая, торговая и промышленная, едва сохраняет некоторые памятники, говорящие о его минувшем значении.

I. Русь под Царьградом и первые киевские князья

Положение Константинополя. – Его дворцы и храмы. – Состояние империи. – Михаил III и Василий Македонянин. – Нападение Руси в 860 году. – Осада и патриарх Фотий. – Первое крещение Руси. – Происхождение русского государственного быта. – Киев и объединение восточных славян. – Торговля с Грецией. – Договоры Олега. – Мирные и враждебные сношения с мусульманским Востоком. – Печенеги. – Поход Игоря на греков в 941 году. – Мирный договор. – Судьба Игоря. – Усмирение древлян. – Путешествие Ольги в Царьград. – Торжественный, но холодный прием. – Характер Святослава. – Тмутаракань. – Борьба с хазарами. Завоевание Дунайской Болгарии. – Цимисхий. – Битвы под Дористолом. – Отчаянная оборона. – Мир. – Гибель Святослава

Когда Константин Великий задумал перенести на восток столицу Римской империи, он долго искал для нее наилучшего места. Внимание его останавливалось на разных городах. Ему нравилось положение древних Сард на берегах золотоносного Паткола; привлекала его также и богатая Фессалоника; приходило ему на ум построить столицу на месте столь прославленной Трои или выбрать для нее вифин-

ский городок Халкедон; но он не повторил ошибки, в которую впал основатель этого городка. Халкедон возник полутора столетиями ранее, чем лежащая в виду его Византия. Говорят, персидский царь Дарий во время своего похода в Скифию, осмотрев берега Фракийского Боспора, сказал об основателе Халкедона, что он был слеп, потому что не выбрал такой превосходной местности, какую занимала Византия. Во время Константина этот последний город представлял печальные развалины, будучи разрушен лет за сто перед тем в эпоху междоусобных войн, раздиравших империю. На нем-то великий император остановил свой выбор и основал здесь другой Рим, другой вечный город.

Из Черного моря в Мраморное ведет узкий пролив, который змеею извивается между гористыми берегами. Со стороны Черного моря берега эти круты, местами обнажены, скалисты и представляют довольно дикий вид; но чем далее, тем очерки их более и более смягчаются, и особенно живописным является более возвышенный европейский берег. Довольно богатая растительность покрывает его вершины и скалы; тут между прочим красуются широковетвистые платаны и кедры и привлекают своею темною зеленью рощи пирамидальных кипарисов. Там, где пролив, или так называемый Боспор Фракийский, сливает свои воды с водами Мраморного моря, он отделяет от себя ветвь, которая далеко врезывается в европейский берег. Этот длинный и узкий залив еще у древних носил название Керас, то есть рог, так

как к концу он несколько загибается и напоминает бычачий рог. Впоследствии ему дали название Золотого Рога. Полуостров, или угол, омываемый с одной стороны Мраморным морем, а с другой – Золотым Рогом и упирающийся своею вершиною в Боспор, есть то место, на котором раскинулся дивный город.

Константинополь, подобно древнему Риму, расположен на семи холмах и, подобно ему, был разделен на четырнадцать частей. Эти семь холмов представляют гребень, который перещепывается³ долинами. Холм, залегающий на оконечности полуострова, есть главная часть города, или Византийский акрополь. Здесь сосредоточивались важнейшие и наиболее великолепные постройки, так как почти весь этот холм был занят императорским дворцом и примыкавшими к нему храмами и площадями. Дворец представлял собой целый лабиринт роскошных зал, покоев, портиков, перистилей, храмов, часовен, внутренних двориков, терм, садов и тому подобное. Основанный Константином Великим, он потом постепенно расширялся и увеличивался новыми постройками, которые совершены разными императорами. Внутренности зал и покоев были изукрашены золотом и мозаичными изображениями; галереи и площадки представляли приятную перспективу своими мраморными колоннадами разных цветов, а также мраморными и бронзовыми статуями. Разные отделения этого дворца-лабиринта носили раз-

³ Здесь – разделяется.

ные названия. Укажем некоторые.

На самом берегу моря, где Боспор сливается с Пропонтидой, рядом с императорской гаванью стоял особый замок, или укрепленный дворец, называвшийся вуколеон. Название это сообщила ему находившаяся на его набережной мраморная группа, которая изображала быка, схваченного львом. Этот замок нередко служил настоящим жилищем императоров. Далее за ним на возвышенности холма находилась следующая группа дворцовых зданий, между которыми первое место по своим размерам и украшениям занимал Хризотриклиний, или Золотая палата (собственно Золотое ложе). Он представлял восьмиугольную ротонду, то есть каждая из восьми его сторон заканчивалась полукруглой абсидой. Это была украшенная мозаиками главная тронная зала, в которой совершались важнейшие церемонии и приемы иностранных послов. Затем следовали другие отделения; напр., Магнаура или Большой дворец, Халкийский или Медный и Дафнийский. Халкийский получил свое название от бронзовых ворот искусной работы, а Дафнийский, вероятно, от статуи Дафны, украшавшей одну из галерей этого отделения.

Извне к дворцовым зданиям примыкали Ипподром и форум Августеон. Ипподром представлял выровненную продолговатую площадь, обведенную стенами, украшенную по середине рядом нескольких громадных колонн и обелисков. При начале Ипподрома находился особый дворец, с эстрады

которого император и его двор смотрели на ристания. Форум Августеон, то есть священный, представлял площадь, окруженную галереей из аркад; посередине он имел четырехугольную триумфальную арку с большим крестом наверху, по бокам которого стояли фигуры Константина и его матери Елены. Из числа статуй и колонн, красовавшихся на этом форуме, особенно замечательна колоссальная конная статуя императора Юстиниана, изображенного в виде Ахиллеса.

Одною своею стороною форум Августеон примыкал к первому святилищу Византии, к храму Св. Софии. В ограде императорского дворца заключалось много изящных храмов и базилик; но все они далеко уступали Св. Софии, которая служила вместе и придворным императорским храмом, и главною соборною церковью всей столицы.

Какое перо в состоянии изобразить красоту Софийского храма! Извне с трех сторон его окружали величественные закрытые портики, или притворы; а внутри он представляет чрезвычайно приятную перспективу: это продолговатый овал, по бокам обрамленный двухъярусной колоннадой. Нижние ряды колонн поддерживают верхнюю галерею, которая идет вокруг стен внутри всего храма, за исключением абсиды, или алтарной части. Эта галерея составляла обычную принадлежность византийских церквей и называлась гинекеем, потому что назначалась для женского пола, который у греков слушал богослужение отдельно от мужского. Над сре-

динною частью здания возвышается обширный купол, очень мало выпуклый, у основания своего имеющий многочисленные просветы, а потому кажущийся необыкновенно легким. По гармонии частей, изящной простоте и выдержанности стиля Софийский храм и в настоящее время представляет первое здание в мире; римский собор Св. Петра далеко уступает ему в этом отношении. Но можно представить себе, какое сильное впечатление производил этот храм своими внутренними украшениями, то есть разноцветными мраморами и роскошными мозаиками, которые покрывали его стены! Строитель Софии Юстиниан I имел полное право в день освящения храма воскликнуть: «Слава Всевышнему, который удостоил меня совершить это дело. Я превзошел тебя, Соломон!» (Со времени мусульманского ига внутренние украшения скрыты под густым слоем штукатурки, а снаружи здание обезображено разными пристройками.)

Греки любили давать своим храмам имена в честь божественных свойств и добродетелей. Так, неподалеку от Св. Софии, или Премудрости Божией, находился храм Св. Ирины, то есть храм Мира или Согласия, построенный Константином Великим. (В настоящее время это самый древний из дошедших до нас византийских храмов. Турки обратили его в арсенал.) Далее к западу на IV холме находился величественный храм Святых Апостолов, в котором погребались византийские императоры. (Турки выбросили из него богатые мраморные саркофаги с их останками, разрушили цер-

ковь и на месте ее воздвигли мечеть, известную под именем Могамедие.) Многие замечательные храмы, монастыри, термы, водопроводы, форумы, монументальные колонны и статуи были рассеяны по обширной Византии. Было и еще несколько особых дворцов. Из последних назовем Гебдомон с храмом Иоанна Предтечи. (Остатки какого-то красивого здания, уцелевшие в северо-западном углу города подле Больших стен, считаются именно за остатки дворца Гебдомон.) Неподалеку от него в том же углу, ближе к Золотому Рогу, в части города, называвшейся Влахернами, находился Влахернский дворец с термами и знаменитым храмом Богородицы.

Весь Константинополь был окружен стенами со многими башнями; но особенную крепостью и массивностью отличались Большие стены, защищавшие его с сухого пути; они были двойные и упирались одним концом в Золотой Рог, а другим в берег Мраморного моря. Из многих ворот, заключавшихся в этих Больших стенах, наиболее знамениты Золотые, названные так по своим украшениям; они прилежали к стороне Мраморного моря. Неподалеку от Золотых ворот, внутри города на VII холме расположен был Студийский монастырь Иоанна Крестителя, один из самых обширных и богатых монастырей цареградских. Монастырь этот замечателен для нас по своему последующему влиянию на русское монашество и на русскую письменность.

За Большими стенами лежало Пегийское предместье с за-

городным дворцом и храмом Богородицы. Пегийским оно названо по источникам, там находившимся. За теми же стенами расположены были и другие селения и монастыри. Между прочим, на берегу Золотого Рога за Влахернами лежало предместье с монастырем святого мученика Мамы. В этом предместье обыкновенно проживали русские торговцы, приходившие в Константинополь на своих лодках-однодеревках. Золотой Рог служил превосходною гаванью, в которой находили себе удобную стоянку многочисленные торговые и военные суда. На другой стороне этого залива, там, где он соединяется с Боспором, лежало предместье Галата, носившее прежде название Сике, то есть Смоковницы. От этого предместья к оконечности Константинопольского полуострова, в случае надобности, протягивались железные цепи, которые запирали вход в Золотой Рог. На противоположной стороне Боспора лежало другое большое предместье, или пригород Константинополя, Хризополис, известный впоследствии под именем Скутари. Затем по обоим берегам Боспора рассеяны были селения, монастыри, загородные виллы и тому подобное.

В эпоху, о которой идет речь, Византия только что успокоилась от внутренних смут, причиненных иконоборческой ересью. Феодора, супруга императора Феофила, одного из ревностных иконоборцев, после его смерти получила в свои руки верховную власть по малолетству своего сына Михаила III. Первым ее делом было восстановление иконопочита-

ния, которое и утверждено созванным ею духовным собором 842 года. С возобновлением иконопочитания вновь оживились и некоторые отрасли искусств. Империя представила свое обычное явление. Сколько раз во время смут, мятежей и неприятельских нашествий она казалась близка к разложению или к совершенному упадку. Но едва наступало затишье или на престоле появлялась умная, энергичная личность, как опять обнаруживались признаки могущества и процветания. Столько было еще жизненных сил в этом с виду ненадежном организме и в этой образованности, представлявшей замечательное сочетание христианских начал с классическими воспоминаниями, эллинизма с варварством, неограниченного самодержавия с республиканскими преданиями. Но что особенно служило для Византийской империи настоящим источником ее процветания, ее блеска и обаяния в глазах варварских народов, это замечательное развитие ее промышленности и искусств. В Царьград, конечно, стекались из провинций наиболее искусные ремесленники и художники; вообще здесь искали себе счастья и богатства наиболее энергичные, даровитые и предприимчивые люди. Изобилие товаров, художественных произведений и всякого рода услуг развивали сильную роскошь в среде столичных обитателей, а вместе с тем поддерживали в ней привязанность к веселой жизни, к зрелищам и другим удовольствиям. Сюда собирались торговцы почти из всех соседних стран, чтобы менять свои сырые произведения на греческие изделия. Но наибо-

лее роскошные изделия, например самые дорогие шелковые ткани (паволоки), византийское правительство даже запрещало вывозить из империи для того, чтобы варвары и в самой одежде своей не могли сравняться с греками; а к варварам они причисляли и западные, то есть латинские, народы того времени.

Империя недолго пользовалась благоразумным и бережливым управлением Феодоры. Сын ее Михаил едва достиг пятнадцатилетнего возраста, как объявил себя совершеннолетним и устранил свою мать от всякого участия в делах. Это был образец тиранического властителя, преданного пьянству и другим порокам. Своим характером и наклонностями он напоминал римского Нерона, с тою разницею, что имел вкусы еще более грубые. Нерон, играя перед публикою на цитре, добивался славы великого артиста; а Михаил III страстно любил лошадей и главное свое достоинство почитал в искусстве ристания. Цирк, или ипподром, – это любимое зрелище византийцев – при нем оживился и получил значение более важное, чем все государственные дела. В одежде возницы из партии «голубых» Михаил сам принимал деятельное участие в конном беге и добивался победы над соперниками, которую они, конечно, уступали ему очень легко. Рассказывают, будто бы однажды, когда император стоял на колеснице и ожидал сигнала к начатию бега, главный сановник привел к нему гонца, который только что прибыл из Малой Азии с известием о вторжении ара-

бов. «Несчастный! – воскликнул Михаил, – и в такую критическую минуту ты приходишь меня беспокоить!» На возвышенных пунктах Малой Азии устроены были сигнальные огни, чтобы извещать о неприятельском вторжении; Михаил велел их уничтожить, так как эти огни иногда тревожили жителей столицы и отвлекали их внимание от ристаний цирка. Подобно своим предшественникам, он воздвиг несколько храмов и других изящных или полезных зданий; но главную свою заботу посвятил постройке великолепных дворцовых конюшен; мрамор и порфирь украшали их стены; они были снабжены, кроме того, роскошными водоемами. Рассказывают, что однажды, показывая кому-то свои конюшни, Михаил выразил надежду, что это здание сделает бессмертным его имя. «Государь, – получил он в ответ, – Юстиниан построил и изукрасил Святую Софию, и, однако, о нем более не говорят; а ты надеешься приобрести бессмертие этим вместилищем навоза». Правдивый ответ был награжден ударами бича.

Подтверждая указы об иконопочитании и выставляя себя опорой православия, Михаил в то же время предавался разного рода кощунству, и иногда публичному. Феодора возвела на патриарший престол Игнатия, человека строгого и твердого характера. Разумеется, он сделался неприятен Михаилу, и последний позволял себе иногда самые недостойные поступки. Например, во время торжественной процессии, когда патриарх шел во главе клира, навстречу ему вдруг

появилась другая процессия: то был Михаил с толпою своих любимцев, одетых наподобие митрополитов и епископов; один из них, по имени Грилл, изображал патриарха, причем с аккомпанементом цитры он пел непристойные песни. Поступок почти невероятный в столице православия, хотя о нем свидетельствуют некоторые византийские историки. Дядя императора по имени Варда, старавшийся поддерживать порочные наклонности племянника с целью проложить себе путь к престолу, особенно возненавидел патриарха за его смелые обличения. Он убедил наконец императора свергнуть Игнатия и поставить другого патриарха. Выбор Варды пал на одного светского сановника, дальнего родственника царствующей фамилии, человека знаменитого громадною ученостью и литературными трудами, но не отличавшегося высокими нравственными доблестями. Это был Фотий. В несколько дней он прошел духовные степени и был посвящен в патриархи. Но так как Игнатий ни за что не соглашался отречься от своего сана и за него стояла значительная часть духовенства, то Фотий обратился в Рим к папе Николаю с просьбою объявить низложение Игнатия и подтвердить избрание его, Фотия. Это обращение, сделанное в личных видах, оказалось великою политическою ошибкою со стороны Константинополя. Папа воспользовался случаем принять решающий тон в делах всей христианской церкви. Он не признал избрания Фотия и потребовал восстановления Игнатия. Отсюда возникла великая распря, сопровож-

даемая взаимными отлучениями; началось явное разделение церкви на Восточную и Западную.

Между тем при византийском дворе вокруг беспечно-го и погруженного в свои развлечения Михаила III кипела неусыпная крамола; злые ковы и заговоры скрещивались и перепутывались между собою. Варда, носивший титул цезаря, приготовлялся занять место своего племянника; но против него уже действовала рука более искусная и ум более изворотливый. То был новый любимец Михаила, Василий Македонянин, знаменитый основатель Македонской династии. Впоследствии, по воцарении этой династии, не замедлили сложиться легенды, которые украсили историю ее основателя. Род его начали производить с отцовской стороны от армянских Арзакидов, а с материнской – от Константина Великого. Уже детство его будто бы сопровождалось чудными знаменами и предсказаниями великой будущности. Он был сын бедных родителей и молодым человеком пришел пешком из родной Македонии в столицу искать счастья в службе какого-нибудь вельможи. Наступила уже ночь, когда Василий подошел к Золотым воротам. Усталый от долгого пути, не имея где приклонить голову, он прилег на ступенях у входа в монастырь Святого Диомеда. Здесь нашел его монастырский вратарь, сжалился над ним и дал ему приют. Молодой человек был умен, статен и обладал замечательною физическою силою; он умел нравиться и приобретать покровителей. Благодаря пособию монастырского начальства, он

действительно вступил в службу одного вельможи, двоюродного императорского брата Феофила, и скоро своею ловкостью и усердием сделался его любимцем. Однажды был пир у сына помянутого Варды. В числе приглашенных находились и болгарские послы; они хвастались силою одного из своих слуг, которого дотоле никто еще не мог одолеть в единоборстве. Феофил велел позвать Василия; последний схватился с болгаринном и, с помощью своей ловкости, тотчас бросил его на землю. Этот подвиг заставил много говорить о нем в столице, сделал его известным самому императору. Потом Василию удалось однажды во время охоты укротить царского коня, с которым не могли справиться царские конюхи. Тогда Михаил взял его в свою службу, и Василий быстро начал возвышаться. Он достиг важной должности паракимомена (начальник внутренних покоев) вместе со званием патриция и, чтоб еще более угодить Михаилу, женился на бывшей его любимице, отослав от себя свою первую супругу.

К этой-то эпохе относится первое, известное в истории, появление наших предков под стенами Константинополя. Михаил III, пожелавший вдруг отличиться военными подвигами, в сопровождении своих любимцев и приближенных отправился в Малую Азию, в поход против сарацин, куда увел с собою византийские легионы; а начальство в столице поручил патрицию Никите, прозванием Орифа. Последний носил еще звание друнгария флота, и хотя до того времени не отличился какими-либо особыми заслугами на военном или

гражданском поприще, но, по-видимому, был человек не без достоинств.

Последующее событие происходило приблизительно в мае 860 года.

День склонялся к вечеру, когда в Царьград явились беглецы из селений, расположенных по берегам Фракийского Боспора, и принесли страшную весть: многочисленные корабли варварского народа рось вошли в Боспор и плывут прямо к столице. Эта неожиданная весть поразила жителей цареградских, которые дотоле беспечно предавались своим занятиям и своим удовольствиям. Вмиг брошены все мелкие заботы и попечения, все забавы и суетные помышления; повсюду распространились ужас и смятение.

Варвары, очевидно, имели верные сведения об отсутствии императора с легионами и почти беззащитном положении столицы. Дело в том, что за несколько времени греческое правительство нарушило свои торговые договоры с русским народом и допустило избить многих русских торговцев, проживавших в Византии; ссора с ними возникла из-за какого-то незначительного долга. Тщетно Русь требовала удовлетворения за обиду. Византийцы не обращали внимания на эти требования, и вот теперь, когда они ничего не ожидали, варвары воспользовались удобным временем и внезапно нагрянули на Византию, прежде нежели корсунские или синопские греки могли известить столицу об их походе. Они, конечно, надеялись не только отомстить за смерть товарищей,

но и обогатиться несметною добычею, которую сулило взятие такого богатого и великого города, каков был Константинополь.

Впечатлительные византийцы легко переходили из одной крайности в другую; их высокомерие и презрение к варварам тотчас сменились робостью и страхом близкой смерти или жестокого плена. Между тем Орифа и его помощники, по всем признакам, приняли зависящие от них меры: они заперли городские ворота, расставили по башням находившуюся в их распоряжении стражу и поспешили отправить гонцов к императору.

Наступившая ночь, мрачная и бурная, еще усиливала тревогу и смятение в городе. Наиболее робким умам ежеминутно представлялось, что враги уже перелезли стены, завладели городом, – и настал всему конец. Но вот мрак рассеялся, ветер утих, морские волны улеглись, и тогда жители Византии увидели вереницу судов, которые обступали Константинополь со стороны Боспора и Пропонтиды. Варвары, держа в руках обнаженные мечи свои, грозили ими городу и испускали дикие крики. Это были большею частию статные люди со светло-русыми волосами и серыми, острыми глазами. Наиболее знатные между ними отличались бритыми подбородками и длинными усами; остроконечные шлемы покрывали их чубатые подстриженные кругом головы; сверх кольчуги на них наброшены были плащи, углы которых застегивались пряжкой на правом плече. Вооружение этого народа

составляли стрелы, копья, секиры и мечи с широким, обоюдоострым лезвием; а щиты, суживающиеся книзу, были так длинны, что закрывали почти все тело.

Окружив город со стороны моря, русы высадились на берег и, по обычаю своему, начали насыпать вал вдоль стен, защищавших город с суши, чтобы тем легче завладеть ими. В то же время часть их рассеялась по беззащитным предместьям и окрестностям Константинополя; они с большою свирепостью принялись опустошать селения и монастыри, истребляя огнем и мечом нивы, жилища, людей и скот, не щадя при этом ни младенцев, ни стариков, не смягчаясь никакими воплями и мольбами. Между прочим, они захватили островок Теревинф с его монастырем, в который был сослан патриарх Игнатий, лишенный своего престола. Варвары разграбили здесь церковные сосуды и всю утварь; патриарх как-то спасся; но они схватили двадцать два человека из его монахов и слуг и всех изрубили топорами на корме лады.

В отчаянии своем жители Византии обратились к тому, о чем они легко забывали в дни мира и веселья, то есть к молитве, посту и покаянию. Духовенство совершало постоянные молебны и всенощные бдения; отверстые храмы были наполнены молящимся народом, причем наиболее кающиеся стояли на коленях, били себя в грудь, плакали и стонали. Особенно густая толпа стекалась в соборный храм Святой Софии. Патриарх Фотий в эту торжественную минуту явился вполне достойным своего сана и обнаружил замеча-

тельную силу слова. С софийской кафедры он яркими красками изображал варварское нашествие как кару, ниспосланную Господом за тяжкие грехи, в которых погрязло население. При этом, смотря по течению своих мыслей, он то называл варваров грозными и неодолимыми и иногда выражался словами Библии. Например: «Народ сей двинулся с севера с тем, чтобы дойти до второго Иерусалима, и люд сей устремился с конца земли, неся с собой стрелы и копья; он грозен и не милует; голос его как шум моря» и т. д. То отзывался о них с презрением, чтобы ярче выставить унижение и стыд, которым подверглась Византия. «О град, царь едва не всей вселенной! – восклицал он. – Какое воинство ругается над тобою, как над рабою: необученное и набранное из рабов! О град, украшенный добычею многих народов, что за народ вздумал взять тебя в добычу! Слабый и ничтожный неприятель смотрит на тебя сурово, пытается на тебе крепость руки своей и хочет нажить себе славное имя». «Поход этих варваров, – замечает он, – схитрен был так, что и молва не успела оповестить, и мы услышали о них уже тогда, когда увидели их, хотя и разделяли нас столькие страны и народоначальства, судоходные реки и пристанищные моря».

Патриарх призывал к покаянию, но не наружному только, а глубокому и искреннему. «Не вопите и не шумите. Перестаньте плакать, молитесь спокойно, будьте мужественны», – повторял он и обещал заступление Божие, если грешники имеют твердое намерение исправиться от своих беззаконий

и поступать согласно с заповедями Господними. «Было что посмотреть тогда! – говорил после тот же Фотий. – Гордые смирились; сластолюбцы постылись; у весельчаков и игроков слезы ручьями текли по щекам; ростовщики, копившие деньги, раздавали их бедным; жестокосердый стал милостив, преданный пьянству обещал не пить во всю жизнь; преданный чувственности добровольно дал обет целомудрия, и вообще каждый всеми силами давал знать, что он будет служить образцом добродетели, и обещался вперед исполнять все обеты чистосердечно и неуклонно». Каялись жители Византии также и в нарушении договоров с варварами и в обиде, им причиненной.

Между тем осада продолжалась; вал, насыпаемый неприятелями, постепенно возрастал, и близился час, когда они с этого вала могли перелезть на стены и ворваться в город. «Наконец, возлюбленные, – проповедовал Фотий, – настало время прибегнуть к Матери Слова, к Ней, единой надежде нашей и прибежищу. К Ней возопием: Досточтимая, спаси град твой, как ведаешь, Госпоже! Ее поставим ходатайницею перед сыном и Богом нашим. Ее сделаем свидетельницею и сподручницею обетов наших».

Главные византийские храмы изобиловали священными предметами; особым поклонением пользовались, конечно, те предметы, которые в народном веровании были связаны с земною жизнью Спасителя и Богородицы. Например, в Софийском соборе показывали верующим пелены младенца

Христа, золотые сосуды, принесенные ему в дар волхвами, копье, которым он был прободен, и так далее. Во Влахернском храме хранились пояс Богоматери и ее риза, то есть какая-либо часть одежды. Эта святыня чтилась в особенности как надежная защита во время опасности, и вообще жители Царьграда почитали Богородицу главной заступницею и покровительницею своего города. Патриарх взял ее ризу и с молитвенными песнопениями обнес ее вдоль стен вокруг города. Вслед за тем неприятели поспешно сняли осаду, сели на свои корабли и покинули Боспор, обогащенные награбленною на его берегах добычею. Источники не дают нам ближайших объяснений этого поспешного отступления русов. Без сомнения, в это именно время достигло до них известие о приближении византийских легионов и кораблей; ибо Михаил III тотчас повернул назад, как только услышал о нападении Руси на его столицу.

Русь ушла от Царьграда, но византийское правительство должно было озаботиться защитою от нее своих черноморских областей, особенно Херсонеса и других греческих городов, находившихся в Тавриде по соседству с таманскими и таврическими владениями Руси. В этой войне союзницей греков явилась христианская религия: греческие проповедники склонили часть варваров к принятию крещения. Тот же патриарх Фотий в своем окружном послании 866 года, обращенном к восточным епископам, извещает их, что не только племя болгарское переменило свое древнее нечестие на веру

во Христа, но то же сделало и племя русское. «Народ, столь часто многими превозносимый, – пишет Фотий, – и превосходящий все другие народы своею жестокостию и кровожадностью, то есть россы, которые, покорив окрестные народы, возгордились и, имея о себе весьма высокое мнение, подняли оружие на Римскую державу, теперь и сами преложили нечестивое языческое суеверие на чистую и непорочную христианскую веру и ведут себя как преданные друзья; хотя незадолго перед этим тревожили нас своими разбоями и учинили великое злодеяние» (то есть нападение на самый Царьград).

Но Фотий, очевидно, преувеличивал размеры обращения и преданности со стороны Руси. Только новому императору, Василию Македонянину, который в следующем, 867 году воцарился на месте убитого им Михаила III, удалось богатыми дарами из золота, серебра и шелковых тканей склонить русских вождей к миру и возобновить с ними торговые договоры. Тогда и обращение варваров в христианство сделало еще более успехов, так что Игнатий, снова восстановленный на патриаршем престоле, назначил особого архиепископа для этой крещеной Руси.

Такому обращению варваров много способствовал пример их соплеменников болгар. Около этого времени Азовско-Днепровская Русь подчинила себе то болгарское племя, которое жило на устьях Кубани и в восточной части Крыма и которое Русь освободила от хазарского ига. Часть этих

так называемых черных болгар уже исповедовала христианскую религию, проникшую к ним из соседних греческих городов, Херсонеса, Сугдии, Боспора и др. Крещенные таврические болгары уже имели Евангелие и некоторые другие священные книги на родном языке. От них-то, по всей вероятности, знаменитые солунские братья, Кирилл и Мефодий, заимствовали церковнославянское письмо и начатки переводов Святого Писания, которые и перенесли потом к славянам дунайским. То же церковнославянское письмо облегчило путь христианской проповеди и в среду русского народа, незадолго утвердившего свое владычество на берегах Киммерийского Боспора в городах Корчево и Тмутаракани; так у местных славян назывались древние греческие колонии, Пантикапея, или Боспор, и Фанагория, или Таматарха, откуда Русь вытеснила хазар. Итак, первое громкое предприятие Руси, заставившее говорить о ней другие народы, то есть нападение на самый Константинополь, это предприятие совпадает по времени с началом русского христианства. Но вообще только незначительная часть русского народа пока приняла крещение; а большинство хранило обычаи предков и продолжало ревностно приносить кровавые жертвы своим старым богам: Перуну, Волосу, Дажбогу, Стрибогу и прочим¹.

Как посреди ночной мглы иногда внезапный блеск молнии прорезывает тучи и на мгновение озаряет окрестность, так нападение 860 года на Константинополь является для нас ярким лучом света на горизонте начальной русской ис-

тории, покрытой густым туманом. Басни и домыслы наших старинных книжников только усилили этот туман и дали ложное направление тем позднейшим исследователям, которые пытались разъяснить древнейшие судьбы русского народа. Нападение 860 года и современные о нем свидетельства неоспоримо указывают на многочисленное воинственное племя русь, которое издавна обитало в Юго-Восточной Европе, именно в странах приазовских и приднепровских, появляясь в истории предыдущих веков под именами росолан и антов, а иногда скрываясь под более общими названиями скифов и сармат. Много перемен испытало это племя, много борьбы и усилий должно было оно вынести, прежде нежели успело окрепнуть и создать могучее ядро, из которого развилась русская государственная жизнь и русская национальность. Народы пришлые и туземные, чуждые и родственные попеременно теснили славяно-усское племя, иногда подчиняли его себе, отрывали от него ту или другую ветвь, но никогда не могли его сломить. Немецкие готы, финские угры, славянские гунны и болгары, черкесские авары и хазары одни за другими или в союзе друг с другом наступали на антов-русь и угнетали ее. Но все вынесло, все преодолело это упругое племя, пока пробилося на широкую дорогу своей исторической жизни. Эта трудная и долгая школа закалила его характер и подготовила его к последующим испытаниям.

Из всех способностей, которыми природа щедро одели-

ла славяно-русское племя, наиболее драгоценными являются, конечно, его предприимчивость, мужество и способность созидательная. Последняя в особенности необходима для самобытного развития, и передовые исторические народы обыкновенно обладают ею в высокой степени. Нужно иметь значительный запас изобретательности, трудолюбия и терпения – особенно жителю северных стран, – чтобы устроить свое жилище и оградить себя от суровых влияний климата, промыслить пропитание и т. и. Но еще в большей степени требуются те же качества, чтобы устроить свой общественный быт и охранить его от врагов внешних и внутренних. История показывает, что славянские народы далеко не были лишены способности сосредоточивать свои силы и созидать государства; но в их характере были и другие черты, которые много мешали прочности таких созиданий. Это излишняя впечатлительность, излишняя подвижность; она обуславливала даровитость славянского племени; но она служила также источником некоторого непостоянства, некоторой неустойчивости. Можно смело сказать, что даровитостью своею славянское племя, например, превосходит племя немецкое; но оно уступает ему в качестве более драгоценном: в устойчивости и сосредоточенности, в том, что называется силою характера. К счастью, россоланское, или русское, племя в этом отношении заметно выдвигается из своей славянской семьи; уже с самого начала своей истории оно обнаруживает терпение и твердость, с помощью которых его

творческая способность могла получить широкое развитие на поприще общественного и государственного быта. Этими чертами, то есть сравнительно меньшею степенью впечатлительности и непостоянства, оно обязано как влиянию окружающей природы, так и своей исторической школе, и отчасти перекрещению с другими народностями, а именно с готскими и финскими племенами, которые издревле обитали рядом с ним в Восточной Европе. Главная его ветвь издавна утвердилась на среднем течении Днепра, к северу от порогов, в краю, обильном цветущими полями, рощами и текучими водами, в стороне от южных степей, слишком открытых вторжению кочевых народов. В этом краю оно построило себе крепкие города и положило начало государственному быту с помощью своих родовых князей. Здесь русь развила свою способность к государственной жизни. Отсюда посредством своих дружин она постепенно распространила свою объединительную деятельность на родственные ей племена восточных славян. Как одно из наиболее даровитых и предприимчивых арийских племен, русь с одинаковым успехом предавалась мирным и воинственным занятиям, грабежу и торговле, сухопутным и морским предприятиям; дружинники русские с одинаковою отвагою владели конем и лодкою, мечом и парусом. Их смелые судовые походы по рекам и морям в IX и X веках сделали громким русское имя на востоке и на западе.

Государственная способность русского племени с особою

силою выразилась в его объединительных стремлениях, в постепенном и неуклонном собирании воедино своих широко раскинувшихся ветвей. Объединение совершалось под предводительством того княжеского рода, который утвердился в Киеве. В Киевской области сосредоточилось наиболее энергичное, наиболее предприимчивое россоланское племя поляне, или рось в тесном смысле. Оно продолжало сохранять свою любовь к судоходству и свои связи с берегами Азовского моря, бывшими колыбелью этого племени. Там еще жили значительные его поселения. Известно, что равнина Европейской России обладает замечательною речною сетью, которая представляла самые удобные пути сообщения, и русское племя превосходно воспользовалось ею для своих объединительных стремлений. Дружины полян-руси ходили почти во все стороны вверх и вниз по течению рек, налагая дани на своих соседей. На восточной стороне Днепра они объединили ближайшую свою ветвь – россоланское племя северян, сидевших по Десне и имевших своим средоточием города Чернигов и Любеч. Подвигаясь к северу, пользуясь Днепром и его притоками, они подчинили себе на одной стороне племя радимичей, на другой – дреговичей. На верхнем Днепре они утвердились в Смоленске, городе кривичей. Постепенно углубляясь далее на север, Русь перешла волоки; спустившись по Ловати, завладела берегами озера Ильмень и водворилась в главном средоточии ильменских славян, в знаменитом Новгороде, при истоке реки Волхова. Отсюда по

Волхову, Ладожскому озеру и по реке Неве она открыла себе путь для сношений с народами Скандинавии. Другой водный путь в Балтийское море пролегал по Западной Двине. Ключом к этому пути служил город Полоцк, и он к началу X века находился уже во владении русских князей.

Русь не довольствовалась днепровскими и ильменскими славянами. Она проникла на Оку и верхнюю Волгу, где посреди племен славянских (вятичи) и финских (меря и мурома) основала свои поселения и свое владычество, укрепясь преимущественно в Муроме на возвышенном берегу Оки и в Ростове на низменных берегах Ростовского озера. Но между тем как распространение русского господства на севере принимало такие обширные размеры, на юге и юго-западе оно подвигалось с трудом. Здесь в области Днестра, Буга и нижнего Днепра жили хотя и родственные народы, но уже другой славянской отрасли, не россоланской, а болгарской: угличи, тиверцы и отчасти вольняне. Покорить эти народы было не легко, и у русских летописцев мы находим отголоски упорной борьбы, кипевшей когда-то между ними и властолюбивою Русью. Перевес остался за последнею, которая успела сосредоточить и развить свои силы в то время, как означенные народы были раздроблены на многие владения и общины. Легче подчинилась Руси та часть тиверцев, или тавроскифов, которая обитала в древних своих жилищах на устьях Кубани и в восточной части Крыма и называлась иначе черными болгарами. С VI по IX столетие эти болгары были

угнетены владычеством хазар. Последние представляли народ смешанный из пришлых турок-завоевателей с покоренными туземцами, хазарами или черкесами. Русские князья вступили в деятельную борьбу с турко-хазарскими каганами, мало-помалу освободили от их ига черных болгар и утвердили собственное владычество на берегах Боспора Киммерийского, то есть в Корчеве и Тмутаракани, следовательно, в самом средоточии прежнего Боспорского царства. Таким образом, постепенно, в течение нескольких столетий, киево-русские князья распространили свое господство от Ильменя до Тамани.

Дружины русские приходили на устье Кубани из Киевской области следующим судовым путем: из Днепра в его приток с левой стороны Самару; из Самары – в ее приток Волчью Воду; а отсюда небольшим волоком или вешнею полою водою ладьи входили в реку Миус (может быть, и Калмиус) и таким образом достигали Азовского моря. Разумеется, подобное господство не установилось раз и навсегда: нередко подчиненные племена, пользуясь обстоятельствами, восставали и отказывали в дани; потом приходилось покорять их вновь и принимать более действенные меры, чтобы удержать в покорности, то есть строить в их земле укрепленные городки или занимать русскими дружинами кремли главных туземных городов. Владея берегами Киммерийского Боспора, Русь имела возможность развивать свое судоходство и по самому Черному морю, то есть посещать берега его в качестве

торговцев и пиратов, и даже, как мы видели, сделать набег на самый Царьград.

Для сношений с Византией и дунайскими болгарами существовал другой путь в Черное море, именно Днепром до самого его устья; он был очень затруднителен по причине целого ряда огромных порогов; но Русь умела преодолевать препятствия. Этот более прямой путь особенно предпочитали торговые караваны. Обыкновенно зимою жители лесных мест, прилегавших к верхнему и среднему Днепру, валили большие деревья и приготавливали из них лодки-однодеревки, которые при весеннем половодье сплавляли по Днепру в Киев. Сюда собирались торговцы из разных русских городов: из Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода и других. Они покупали однодеревки, оснащивали их, снабжали всем нужным для плавания, нагружали товаром и выступали в путь. У города Витичева, лежавшего на Днепре немного ниже Киева, караван останавливался дня на два, на три, чтобы дать время собраться всем судам. Затем он направлялся к порогам².

К югу от устья Самары Днепр на пространстве нескольких десятков верст отчасти запружен рядами огромных камней, которые скрываются под водою или чернеют над ее поверхностью; отчасти стеснен в своем течении крутыми берегами и множеством каменных островов. Река шумными, кипящими волнами стремится сквозь пороги и делает плавание чрезвычайно опасным. Достигнув какого-либо большого

порога, – а их в те времена насчитывали до семи, – русские принимали разные предосторожности и употребляли разные способы. Где это было возможно, они просто пускали свои ладьи по быстрой волне; на иных порогах гребцы сходили в воду и проводили лодки подле самого берега по мелкому каменистому дну; а где высокое падение воды и острые камни представляли неизбежную гибель, там они выгружали товары, высаживали невольников, предварительно связав их друг с другом, и на расстоянии нескольких тысяч шагов тащили ладьи берегом. Так поступали они, достигнув четвертого и самого опасного порога, который назывался по-славяно-русски Айфар, а по-славяно-болгарски – Неясыть; это название дано было ему по множеству неясытей, или пеликанов, гнездившихся в скалах этого порога. Миновав пороги и вступив в область тихого, широкого течения, усеянного островами, русы приставали к одному днепровскому острову и здесь под огромным дубом совершали благодарственные жертвоприношения своим богам. Между прочим, они по жребию приносили в жертву живых птиц и съедали их жертвенное мясо, а тех, которым выпадал счастливый жребий, отпускали на волю. Под дубом они втыкали свои стрелы и раскладывали куски мяса, хлеба или другие вещи, которые оставляли в дар богам. Затем караван продолжал плавание до Днепровского лимана и приставал к острову Св. Евферия. Здесь русы останавливались дня на два или на три: исправляли снасти, ставили мачты, паруса и вообще снаряжали свои ладьи для

морского плавания. Из лимана они выходили в море и, держась берегов, направлялись к устью Днестра, потом к устью Дуная и так далее до самого Царьграда. Сюда Русь привозила на продажу невольников и разные сырые произведения своей земли, каковы: меха, кожи, воск, медь и т. и. А из греческих областей она вывозила различные ткани, вино, плоды, дорогое оружие, посуду и другие металлические изделия. Понятно, что русские князья весьма дорожили торговлею своего народа с греками и для ее обеспечения охотно вступали в договоры с греческим правительством. Последнее, как видно из договоров, ценило мирные сношения с Русью и старалось привязать ее разными льготами, которые предоставляло русским послам и гостям в своей столице. Когда начались подобные договоры, мы не знаем в точности: по крайней мере, они уже существовали до 860 года, ибо и самое нападение Руси в этом году имело своим поводом их нарушение со стороны греков. Первые дошедшие до нас договоры относятся к началу X века, то есть к совместному царствованию Льва VI Философа и его брата Александра; именно, мы имеем договорную грамоту 911 года и отрывок из такой же грамоты 907 года. Эти договоры представляют и первые письменные славянские источники для русской истории, потому что дошли до нас не в греческом подлиннике, а в славянском переводе. Любопытно их содержание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.